

МЫ РОЖДЕНЫ УКРАШАТЬ И УСИЛИВАТЬ ДРУГ ДРУГА

Надеюсь, читатель, которому мои взгляды на национальные проблемы уже известны, снизойдет к тому, что мне придется снова сформулировать их для читателя, почему-либо обойденного этим знанием.

Я считаю, что национальное единство создается главным образом системой каких-то коллективных фантомов, иллюзий, грез и что основная причина, по которой один народ начинает ненавидеть другой, — это страх за целостность — нет, не территорий, а иллюзий: страх народа утратить картину мира, в которой он представляется себе красивым и значительным, — этот страх и есть главная причина национальной вражды.

Антисемитизм не исключение. Успехи евреев на всевозможных материальных поприщах никогда бы не породили к ним такой испепеляющей ненависти, если бы этим успехам не сопутствовало обновление картины мира, угрожающее национальному самоуважению значительной части населения. Поэтому все подсчеты — сколько евреев возглавляет банки, холдинги и концерны, сколько среди них владельцев заводов, газет, пароходов — годятся разве что для подзуживания, но сути проблемы практически не затрагивают: национальный подъем народа или его упадок почти не связаны с успехами составляющих народ индивидов. *Если индивиды в массовом порядке добиваются всевозможных социальных успехов, но при этом отпадают от национальной грезы, — для народа это не подъем, а упадок.*

Добросовестно подсчитывая действительно впечатляющее количество евреев, преуспевших в первое десятилетие советской власти, Солженицын тоже осеняет своим авторитетом то расхожее представление, что двадцатые годы были годами еврейского национального торжества. При этом, однако, упускается из виду, что это были годы массового отпадения от еврейской грезы в пользу грезы интернациональной — или даже чистого прагматизма (впрочем, в возможности быть чистым прагматиком человеку отказано самой природой), а потому двадцатые годы для русского еврейства были годами национального упадка. И если бы возмущенное народное чувство не склонило советскую власть к вытеснению евреев из государственной и прочих элит, к сегодняшнему дню евреев в России почти не осталось бы.

Да, на первых порах в верхние слои общества евреев набилось бы еще гуще, — зато они через поколение-другое перестали бы быть евреями.

Сегодняшние наследники Сталина и Пуришкевича снова совершают ту же ошибку: подсчитывая, да еще и фальсифицируя проценты преуспевших евреев, сочиняя лживые цитаты из священных еврейских книг, они стимулируют оборонительную мобилизацию еврейских грез и тем самым продлевают жизнь самому ненавистному своему врагу. Они совершенно забыли о ленинских нормах — самый человечный человек прекрасно понимал: чтобы победить врага, надо прежде всего разрушить его грезу; чтобы разрушить его грезу, надо прежде всего убедить его, что ей ничего не угрожает. Ленин учил: любое оскорбление национальных чувств меньшинства заставляет его сплотиться вокруг своей «буржуазии», то есть элиты. Поэтому нужно постоянно убаюкивать национальные

чувства меньшинств сладкими сказками о праве всякой нации на самобытность и даже на самоопределение, сказками о единстве и дружбе народов, чтобы тем временем потихоньку-полегоньку растворить их в однородной массе.

Истерические русские националисты и за страх, и за совесть уже много десятилетий служат лучшими помощниками националистов еврейских, тщетно старающихся повернуть вспять еврейскую ассимиляцию. И все-таки, несмотря на интернациональную помощь, остается более чем туманным и будущее остатков российского еврейства, насчитывающего даже неизвестно сколько тысяч душ, ибо границы этого множества до крайности размыты; едва ли не большая его часть по внешним, сталинским признакам (язык, территория, общая экономическая система) относится к русскому народу, а по внутренним, главным (преданность грезам) образует какую-то новую смесь, смесь не генотипов (это дело десятое), но — фантомов.

Так ведь сближение наций и происходит только через слияние грез, через возникновение общей грезы, способной чаровать и тех, и других. Так вот, русские и еврейские грезы — сливаются ли они во что-нибудь гармоничное или продолжают вести в наших душах войну на взаимное уничтожение? Мне представляется очень интересной и, возможно, даже открывающей путь к слиянию фантомов идея известного петербургского этнолога Натальи Васильевны Юхневой: российское еврейство сложилось в новую историческую общность, новый субэтнос русского народа, именуемый «русские евреи».

И чтобы осознать себя таковым, русским евреям не хватает только специального самоназвания. Если же на вопрос о национальном самоощущении допустить не два ответа, «русский» и «еврей», как это обычно делается, а добавить промежуточную рубрику «русский еврей», то количество тех, кому именно этот ответ приходится по душе, оказывается весьма значительным.

Я, правда, возражал Наталье Васильевне, что для сохранения субэтноса недостаточно одного лишь названия, необходима еще и какая-то «субгреза» грезы общенациональной, вера в какую-то свою особую миссию в рядах «большого народа». Нации, культурно доминирующие в собственном государстве, обладают таким количеством социальных институтов, почти автоматически внушающих индивиду стандартную национальную идентичность, что — в нормальных условиях, при отсутствии сильных конкурирующих фантомов — они могут специально об этом не заботиться (до поры до времени). Но субэтнос от растворения может уберечь лишь какая-то система изолирующих, обособляющих иллюзий. Не настолько сильных, чтобы вовсе оторвать субэтнос от «большого народа», но и не настолько слабых, чтобы позволить ему раствориться.

Чтобы не раствориться в окружающей среде, необходимо ощущать себя в чем-то выше ее; чтобы подчинить ее грезе свою, нужно ощущать внешнюю супергрезу в чем-то более высокой. Эти требования, на первый взгляд, кажутся просто несовместимыми. И тем не менее, скажем, российскому казачеству это прекрасно удавалось. По отношению к рядовой массе — превосходство, по отношению к престолу и отечеству — преданность. С поправкой на большую демократичность сходную миссию можно предложить и русскому еврейству — сделаться духовным казачеством: хранить русскую культуру с такой же верностью, с какой казачество охраняло российскую территорию, — в этом случае и пресловутое еврейское высокомерие могло бы послужить общему делу. Именно общему — у русского еврейства оказался бы тот же, что и у казачества объект попечения, и русский народ давно предчувствовал некую общность их миссии, окрестив евреев бердичевскими казаками.

Если вдуматься, у донского, кубанского, терского, забайкальского, с одной стороны, и бердичевского казачества, с другой, окажутся весьма близкие стратегические цели, стратегические грезы: и те, и другие охраняют наследственное национальное достояние, и те, и другие стремятся максимально продлить жизнь (в грезе — обеспечить бессмертие) каждый своей мечте. Которая — и у тех, и у других — не может выжить без общей инфраструктуры.

Возьмем два полярных типа — чистопородного патриота русской культуры, слабо озабоченного обширностью российской территории, и такого же чистопородного

патриота русской земли, мало помышляющего о культуре. Для первого священна система грез, именуемая русской классической литературой (Пушкин, Лермонтов, Толстой и т.д.), для другого священна система грез, обожествляющая святую русскую землю (политую кровью, потом и т.д.). Так вот, пускай сеятель и хранитель чистого духа, чистой поэзии и прозы, которая тоже невозможна без поэзии, вдумается, какая минимальная инфраструктура реальной России необходима для того, чтобы обеспечить полноценное существование боготворимой им литературы?

Ясно, что должны быть школы, где «проходили» бы Пушкина, Лермонтова и Толстого. Следовательно, должна быть налоговая система, обеспечивающая работу этих школ; должна быть защищенная территория, где располагалось бы население, почитающее Пушкина, Лермонтова и Толстого своим национальным достоянием, для чего необходима вовлеченность населения в систему иллюзий, порождающую эмоциональное единство с той Россией, о которой писали Пушкин, Лермонтов и Толстой, — иначе пришлось бы усекать их во вполне большевистском духе, только теперь уже с точки зрения общечеловеческих ценностей (не позволяющих ответить на вопрос, почему мы должны хранить именно Пушкина, а не Гомера или Гете). «От потрясенного Кремля до стен недвижимого Китая», «люблю, военная столица, твоей твердыни дым и гром» — имперские пережитки; «Валерик» — недостаточное раскаяние (не переходящее в протест) за участие в позорной колониальной войне; «Война и мир» — воспевание так называемого «народного подвига», ставшего на пути европейской модернизации... Знаменитый большевистский историк Покровский и писал о «грозе двенадцатого года» не иначе как в кавычках: «отечественная» война.

Но если даже не впадать в карикатурность, все равно останется серьезное подозрение, что избавиться от национальных предрассудков означало бы избавиться и от национальной поэзии. Подозрение, что для полноценного ее существования требуется поэтическое отношение и ко всей русской истории. Не обязательно восторженное, тотально одобрительное, — пускай сколь угодно скорбное, но — возвышенное, а не пренебрежительное.

Из этого, разумеется, не следует, что в минимальную инфраструктуру должна непременно входить вся сегодняшняя российская территория. Базис всякой нации — не кровь и не почва, а система коллективных фантомов, и изменение национальной территории всегда дается так мучительно прежде всего потому, что она непременно включена в базисную систему, почти беззащитную перед рационалистическим скепсисом: тронь одну иллюзию — посыплется все (хотя надо отметить, что иллюзии весьма различаются по своей ценности).

Но если даже смотреть на проблему чисто национально — не все ли равно, пользуясь образом Щедрина, любить отечество с Нахичеванью или без Нахичевани, почему бы России, в ее же интересах, не потесниться до каких-то своих естественных исторических границ, — все равно возникают новые неразрешимые вопросы. Что такое исторические границы? Если это границы Московского княжества, то с Тверью или без Твери? С Новгородом или без Новгорода? Вопросы эти с такой очевидностью не имеют ответа, что практические люди предпочитают ничего не колыхать, не будить лиха, пока оно тихо: провозгласить принцип нерушимости границ и отступить от него, только когда сделается уж совсем невтерпех.

С «естественными» границами обстоит еще хуже, хотя, казалось бы, хуже уже некуда. Беда в том, что для всякого народа естественной является та территория, которая впечатана в его систему национальных грез, всякая же другая для него противостественна. Его, конечно, можно вынудить к каким-то территориальным уступкам, но смирится он с ними только тогда, когда перестанет ощущать их унижительными. Потребность чувствовать себя красивым и значительным — базовая потребность всякого народа, а потому склонить какой угодно народ отказаться от какой угодно части его национального достояния совершенно невозможно без целых океанов лести. Обличать же и стыдить его — дело не только бесполезное, но и просто опасное, ничего, кроме

озлобленности, оно не приносит. Либеральные обличители национализма тоже бывают сеятелями или, по крайней мере, катализаторами фашизма.

Субэтнос «русские евреи», если только он действительно субэтнос, тоже должен сопротивляться своему унижению, своему растворению (впрочем, второе есть следствие первого). А охотники растворить его подступают и изнутри, и снаружи. Русские патриоты-упростители, претендующие на роль некоего ядра русского народа и желающие видеть его полностью однородным, требуют: «Станьте такими, как мы, или катитесь в свой Израиль». Израильские патриоты-упростители, претендующие на роль некоего ядра еврейского народа, требуют: «Катитесь в наш Израиль и станьте такими, как мы». Но что это, простите, за ядро еврейского народа, которое и создано, и в значительной мере поныне выживает благодаря поддержке евреев диаспоры, «галута»? Ядро, которое при всех своих подвигах и свершениях, тем не менее, далеко не так авторитетно в мировой науке, культуре и даже политике, как «периферия»? Без поддержки которой, повторяю, оно, возможно, просто даже и не выстоит. Так дальновидно ли сосредоточивать все ресурсы в этом самом «ядре»? Тьфу-тьфу-тьфу, но даже ближайшие десятилетия, не про нас будь сказано, вполне могут показать, что это было роковой ошибкой — возрождать еврейское государство у самого кратера закипающей исламской грезы.

Упаси, конечно, бог, но в этом случае диаспора может снова сделать «ядром», а нынешнему «ядру» понадобятся плацдармы в «гойском» мире для очередного бегства или, выражаясь деликатнее, эвакуации — о чем, как ни хочется гнать от себя эту мысль, необходимо подумать заранее (ибо если слишком долго гнать от себя дурные мысли, им на смену приходят дурные события: пессимисты, как известно, всего только портят людям настроение, в катастрофы же их ввергают оптимисты). Ужасно неприятно думать и о том, что гуманный Запад, как и при Гитлере, по разным причинам снова окажется не готов принять разом такую еврейскую ораву, не исключено, что он снова введет умеренные и аккуратные квоты — в год по чайной ложке. Не хочется разжигать старые обиды, но все же по большим праздникам имеет смысл перечитывать про себя выступление тогда еще будущего первого президента Израиля Хаима Вейцмана на нью-йоркском митинге в день солидарности всех трудящихся 1 мая 1943 года: когда историк в будущем соберет мрачные хроники наших дней, то две вещи покажутся ему невероятными: во-первых, само преступление, а во-вторых, реакция мира на это преступление; его озадачит апатия всего цивилизованного мира перед лицом этого чудовищного, систематического истребления людей.

Удивляться тут нечему — апатия одних народов при истреблении других не исключение, а норма. Ни один народ никогда не приносил и не будет приносить серьезных жертв другому народу, народы способны жертвовать только собственным фантомам, а чужим лишь в той степени, в какой чужие вписываются в собственные.

На фоне этих мрачных фантазий, надеюсь, уже не покажется смешным и предположение, что кто-то в минуту смертельной опасности на Ближнем Востоке может вспомнить и о такой декоративной и забавной вещице, как собственная Еврейская автономная область на Дальнем Востоке...

И в предвидении такой, слава тебе господи, маловероятной, но все же не исключенной возможности для израильских евреев было бы только разумно приберечь российских симпатизантов, которые бы не были при этом отторгаемыми «большим народом» желчными маргиналами.

Sapienti sat. Умные и так уже поняли, что чем более отчетливой и обособленной социальной группой становятся евреи, тем более удобную мишень они собой представляют. И что никто ради них никогда не пойдет ни на какие серьезные жертвы. У евреев нет и не может быть надежных союзников, потому что их нет и не может быть ни у одного народа: все народы всегда будут руководствоваться собственными грезами.

Короче говоря, не в интересах Израиля вывозить и растворять в себе все российское еврейство. Но заинтересована ли в этом Россия — в «освобождении» от евреев путем их ассимиляции или эмиграции?

Конечно, без евреев будет спокойнее, хотя бы одним источником напряженности сделается меньше. Правда, сделается меньше и одним источником пассионарности... Будет спокойнее и — скучнее. И мне почему-то жаль прежде всего Россию, которая утратит еще одну краску из своей дивной многоцветности. Россия без евреев, как Америка без негров...

Наверно, это эстетский подход; рационально рассуждая, не является ли социальный мир высшей социальной ценностью? Допустимо ли покупать эстетические переживания ценой риска для многих человеческих жизней? Нет, отвечает физическое лицо автора этих строк, в качестве человека и гражданина гуманиста, труса и слюнтяя: нельзя рисковать человеческим благополучием ради каких-то химер — хотя автору прекрасно известно, что лишь преданность химерам и делает человека человеком. Но, может быть, именно поэтому прячущемуся под маской физического лица художнику грезится некий романтический герой, для которого самое главное отнюдь не комфорт, не покой и даже не жизнь, а причастность к чему-то великому и бессмертному (то есть nasledуемому). Счастливец он считает не того, кому удалось прожить долгую жизнь без страданий и потерь, а того, кому удалось оставить бессмертный след в истории. Для этого романтика судьба какого-нибудь Мандельштама как физического лица, разумеется, ужасающа, но его же судьба как поэта восхитительна и достойна всяческой зависти, ибо так и просится в легенду, без которой почти невозможно войти в бессмертие.

И вот с точки зрения таких романтических критериев — удачей или неудачей для евреев оказалась их жизнь в России? Больше или меньше, в сравнении с евреями других стран, русским евреям удалось оставить отпечатков в культуре, в науке, в технике, в политике — отпечатков, которые еще очень долго не пожрут жерлом вечности? Похоже, никак не меньше. А потому, с точки зрения вечности, русские евреи заинтересованы и в сохранении России как среды, которая открывает им возможность реализовывать свои дарования, служить своему бессмертию. Какой ценой? Но для романтика ответ возможен только один: мы за ценой не постоим.

* * *

Итак, если мыслить высокими категориями, в примирении русских и еврейских грез заинтересованы все, а более всех евреи-полукровки, которым постоянно приходится разрываться между обиженными друг на друга папой и мамой. Еврейский вопрос в сегодняшней России — это вообще наполовину вопрос полукровок. Именно полукровки могли бы сыграть выдающуюся роль в создании и распространении примиряющей русско-еврейской грезы «Мы рождены украшать и усиливать друг друга», — и в этом, если смотреть с высоты наших бессмертных целей, гораздо больше правды, чем в грезах, рожденных обидой и озлобленностью.

Может быть, все это звучит и чересчур романтично, но неромантических народов просто не бывает: утрачивая способность жить коллективными грезами, они перестают быть народами, рассыпаясь грудой разрозненных прагматиков.

Которые без воодушевляющих грез тоже нежизнеспособны.